

Микела Вендитти, Манфред Шруба
«Сплошная грусть»: В.В. Зеньковский, С.Н. Булгаков
и С.Л. Франк в «Современных записках»

Отношения редакции СЗ к религиозным мыслителям русской эмиграции были достаточно сложны и неоднозначны. Простой взгляд на содержание номеров журнала показывает, что возможность публиковаться получили далеко не все из них; примером совсем не состоявшегося сотрудничества с СЗ может послужить имя С.Л. Франка. Из тех, чьи работы проникли в журнал, одних авторов печатали сравнительно часто (например, Н.А. Бердяева и Г.П. Федотова), а других скорее редко и неохотно. Ко второй категории принадлежит, в частности, В.В. Зеньковский, представленный в журнале всего пятью статьями и семью рецензиями, и С.Н. Булгаков, опубликовавший в СЗ лишь одну статью. Причины этой нелюбви раскрываются отчасти в сохранившейся переписке этих авторов с редакцией журнала, и главным образом во внутриредакционной переписке.

Зеньковский был еще в первой половине 1920-х гг. лично знаком с Рудневым, бывавшим зачастую в Праге — оба они принимали активное участие в деятельности Педагогического бюро. Сотрудничество Зеньковского в СЗ началось еще в пражский период его жизни. Его участие было, вероятно, связано с введением «квоты» для религиозных мыслителей в СЗ.

Неизвестный до сих пор факт существования такой договоренности явствует из соответствующих упоминаний во внутриредакционной переписке. Можно предположить, что «квота» заключалась в том, чтобы каждая книга журнала содержала какой-то материал религиозного характера. Подобное соглашение членов редакции следует, скорее всего, отнести ко второй половине или к концу 1924 г. Первое упоминание о «квоте» религиозных статей в каждом номере журнала встречается в письме И.И. Фондаминского к М.В. Вишняку от 14 февраля 1925 г., в пассаже, где обсуждается содержание 24-й книги СЗ:

На Лосском или Булгакове я настаиваю, ибо иначе «план» не реализуется — в 23-м <номере> ничего «епархиального»¹.

«Епархиальная квота» упоминается также в письме Вишняка к Фондаминскому от 1 июня 1926 г. в связи с Зинаидой Гишпиус:

Сегодня буду просить статью-воспоминания по возможности не о религиозно-философском обществе, ибо даже Вадим <Руднев> боится, что эти воспоминания

¹ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

нения зачтут нам в счет нашей религиозной «квоты», которую нам, по мнению того же Вадима, нельзя не соблюдать и использовать надо с особенной осмотрительностью².

Речь идет о предложении З.Н. Гишпиус опубликовать в СЗ воспоминания о петербургских религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг. Высказывание Вишняка примечательно тем, что даже он, человек сугубо нерелигиозный и враждебный христианскому мирозерцанию, относился тогда строго пунктуально к соблюдению договоренности о включении религиозных статей в журнал. Для Вишняка воспоминания Гишпиус нежелательны не тем, что они касаются области религиозного, а тем, что они слишком легковесны и не в достаточной степени соответствуют требованиям «квоты».

О религиозной «квоте» говорится еще раз год спустя в письме Вишняка к Рудневу от 23 октября 1927 г. (об этом письме речь пойдет ниже).

Судя по внутриредакционной переписке, В.В. Зеньковского привлек к сотрудничеству Ф.А. Степун в конце 1925 г.; первая его публикация — статья «По поводу книги И.А. Ильина “О сопротивлении злу силою”»; данная работа была включена в последнюю книгу СЗ за 1926 г.³ Книга Ильина вызвала в свое время обширную и бурную дискуссию; в СЗ еще до Зеньковского Зинаида Гишпиус опубликовала статью на эту тему⁴.

Подготовленная к осени 1926 г. статья Зеньковского о книге Ильина понравилась Фондаминскому, о чем он известил Вишняка в письме от 8 сентября 1926 г.:

Радуюсь, что в результате будут три интересные и «проблематические» статьи — твоя, Гурвича и Зеньковского⁵.

В заключении своей статьи Зеньковский утверждает, что «*пора преодолеть психологический отход от тех идей, какими жила русская интеллигенция, — от идей свободы и народолюбства, демократии и либерализма*» (с. 307; курсив автора). Несмотря на эти «демократические выводы» и на поддержку сразу двух редакторов журнала — Руднева и Фондаминского, дальнейшее участие Зеньковского в СЗ встретило сильнейшее сопротивление третьего редактора — Вишняка. Красноречиво свидетельствует об этом письмо Фондаминского к Вишняку от 30 января 1927 г.:

Почему Зеньковский, к<о>т<о>р<ый> ни в какой *правой* политике не замешан и дал нам статью с определенно *демократическими* выводами, тебе не по силам, а Нольде, работающий в «Возр<о>ждении» и выпускающий книги с защитой дворянской конституции и крепостников, для тебя желательный сотруд-

² Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

³ СЗ. 1926. № 29. С. 284–307.

⁴ Гишпиус З.Н. Меч и крест // СЗ. 1927. № 27. С. 346–368.

⁵ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

ник? Разве на этом примере не ясно абсолютно, что дело тут *не в политике*, а в *философском* мирозерцании. «Либеральный консерватизм» Нольде тебе не страшен, а *православный* демократизм тебе невыносим⁶.

Возникает вопрос, почему из целого ряда религиозных мыслителей, со трудничавших в рамках «квоты» в СЗ, Вишняку пришлось «не по силам» именно Зеньковский. Показательно в этом отношении определение мировоззренческой позиции Зеньковского в одном из писем Степуна к Вишняку (от 28 января 1928 г.): «*Зеньковский – православный народник*»⁷. По-видимому, Вишняк считал, что легитимным преемником идеологии народничества являлось мирозерцание демократических социалистов в общем и правых эсеров в частности; мысль о том, что на ту же народническую идеологию мог бы опираться православный «мракобес», была для него еще более неприемлема, чем открытый антидемократизм Бердяева и других религиозных философов.

Именно с интерпретацией идей народничества связана следующая публикация Зеньковского в СЗ – статья «Новое о народничестве»⁸. Споры вокруг данной статьи широко отразились во внутриредакционной переписке. Первоначальная версия этой работы содержала формулировки и утверждения, неприемлемые не только для атеиста Вишняка, но и для православного Руднева. В связи с этим статья Зеньковского была подвергнута журнальной «цензуре», то есть значительным редакторским вмешательствам.

Статья Зеньковского обсуждается в письме Руднева к Фондаминскому от 21 октября 1927 г.; критике подвергаются, в частности, аподиктические тезисы статьи:

С точки зрения «цензурной» статья как будто благополучна. <...> Мне казалось невозможным оставить такую «эксклюзивистическую» форму, вроде того, что «народничество может быть *только* религиозным» или отбрасывание пози<ти>вистической интеллигенции в стан *врагов* народа и союзников дьявола. Если ты тоже согласен, что это может ранить кое-кого, то беру на себя смелость исправить, не спрашивая Зеньковского⁹.

Кроме того, Руднев считал статью неудачной в риторическом и стилистическом плане:

По существу же – статья на важнейшую тему, но... весьма куца по аргументам, подходу. Топчется на месте, и от повторения тезис не становится ни углубленнее, ни убедительнее. Неталантливо. Но – кратко, всего ¾ листа¹⁰.

⁶ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

⁷ Там же. F. 129.

⁸ СЗ. 1927. № 33. С. 469–480.

⁹ Lilly Library. Vishniak papers. F. 121.

¹⁰ Там же.

Почти одновременно, 23 октября 1927 г., Вишняк написал Рудневу письмо, содержащее обстоятельную, весьма резкую и фундаментальную критику статьи Зеньковского. Вишняк сообщил Рудневу, между прочим:

Получил от Ильюши <Фондаминского> рукопись Зеньковского. Сплошная грусть!.. Но прежде — кестин преалабль <question préalable, первоочередной вопрос (фр.)>: имею ли я право голоса в сем вопросе?! Статья явно входит в «квоту»! Да я и не ставлю вопроса о вето. Я даже готов употребить ту формулу, которую ты применил в отношении к моей статье: «не возражаю». Но хотя бы и без права голосования по поводу входящей в религиозно-церковную квоту статьи — я все же хотел бы поделиться и своим впечатлением и высказать ни к чему тебя с Ильюшей <Фондаминским> не обязывающее суждение.

Статья Зеньковского мало сказать «не талантливая», она — бездарная, непроходимо скучная и, на мой еретический взгляд, компрометирующая ту идею и великую тему, которой она посвящена. Я бы не стал особенно печалиться о том, — если бы не думал, что «компрометантное» выполнение даже чуждого мне задания не было бы «компрометантным» и для журнала¹¹.

В дальнейшем Вишняк подробно излагает, что ему не нравится в работе Зеньковского о народничестве, называя ее «круглой “пустышкой”», «бездарной и нудной, даже не статьей, а декларацией г. Зеньковского, сотрудника все-таки случайного без года неделю <так> и литературно почти новичка». Вишняк полностью согласен с мнением Руднева об аргументации и стиле статьи религиозного философа.

Наиболее весомы возражения философского характера — редактор журнала находит основной тезис статьи Зеньковского о специфике отношения народа и интеллигенции внутренне противоречивым и слишком схематичным:

Есть, по-моему, внутреннее противоречие и в основной идее. (Русская интеллигенция не была религиозной и потому разошлась с народом, «бросила» его. Отсюда и все напасти. Теперь народ разлагается противорелигиозной проповедью. И чтобы спасти его, ставшая религиозной, и даже церковной, интеллигенция должна идти в народ. Но ведь тем самым, что интеллигенция обрела религиозность как раз в то время, когда народ ее утерял, — народ и интеллигенция опять разошлись, или интеллигенция вновь «бросает» (духовно) свой народ! — Суть проблемы, очевидно, не в хронологическом несовпадении настроений народа и интеллигенции, а можно ли «бросить» народ, каков бы он ни был и как бы ни расходилась с его чувствованиями интеллигенция? — Зеньковский даже и не почувствовал *этой* проблемы.) Но это уже «существо»!¹²

Удивительно, что, несмотря на все эти возражения, статья Зеньковского о народничестве все-таки увидела свет в последней книге журнала за 1927 г.

¹¹ Lilly Library. Vishniak papers. F. 32.

¹² Там же.

Показательно, что лишенная ярких мест статья не понравилась Степуну; в письме к Вишняку от 13 декабря 1927 г. он сопоставляет напечатанные рядом статьи Д.И. Чижевского и Зеньковского:

Очень мне понравился Прокофьев <то есть Д.И. Чижевский>, и я вполне с Вами согласен, что редакционные купюры статьи не испортили, хотя я и всячески отстаиваю свободу творчества. Зеньковский меня несколько разочаровал; насколько у Чижевского все конкретно, прочувствовано и туго связано, настолько у Василия Васильевича все пенисто и обще, но тенденция его статьи мне близка¹³.

Полгода спустя после напечатания статьи Зеньковского о народничестве Вишняк подводил в письме к Степуну от 23 июня 1928 г. итоги четырехлетнего применения религиозной квоты в журнале; в глазах Вишняка попытка сосуществования редакции журнала с религиозными мыслителями оказалась неудачной:

Тот опыт идеалистического, включающего и религиозный фронт, который в качестве опыта был начат «Соврем<енными> записками» четыре года тому назад, на мой внутренний слух, явно не удался. Не мы кого-то объединили и повели, а нас – вернее, вас, т.е. Вас, И.И. <Фондаминского> и В.В. <Руднева> – повели, разложив предварительно при этом редакцию, ибо у редакции и в моем отсутствии нет единой миросозерцательной точки зрения. Ведь смешно и самоуверенно было бы сказать, что вы чему-либо научили или в чем-либо просветили Бердяева, Зеньковского и К^о¹⁴.

Вишняк считал, что сотрудничество религиозных писателей в СЗ исказило первоначальный характер журнала; именно опыт публикации статей Зеньковского послужил ему примером для утверждения, что при отборе статей решающую роль стало играть не качество работ, а мировоззренческий заказ:

Суть в том, что «Соврем<енные> записки» перестали быть прежде всего общественно-политическим журналом, каким они были задуманы и как значится и по сей день на обложке, а стали или хотя бы стать журналом миросозерцания или культуры миросозерцательной. <...> Журнал подпадал под внешние влияния. Миросозерцательный момент приобретал главенствующее значение. Печатали бездарного Зеньковского только потому, что он религиозный мыслитель, глава движения молодежи и не очень уж заостряет неприемлемые для нас общественные позиции¹⁵.

Тезис Вишняка о разложении редакции «церковниками» небезоснователен. Именно разногласия во взглядах членов редакции на участие религиозных

¹³ Lilly Library. Vishniak papers. F. 129.

¹⁴ Там же. F. 32.

¹⁵ Там же.

мыслителей в СЗ привели к первому из целого ряда крупных внутриредакционных кризисов. Симптомом этого кризиса было длинейшее, исполненное горькими жалобами и упреками письмо Вишняка к Фондаминскому от 7 марта 1929 г., в котором упоминается и Зеньковский:

Если в этой книге только предвзятостью и предрасположенностью можно объяснить появление бездарных, но не ранищих, статей Зеньковского и Скобцовой, <...> то следующая книга сплошной вызов и скандал. Все, что ты считаешь «гвоздями» журнала – Флоровский, Федотов, Маклаков и Степун <...> – все рвет и ранит, как подлинный гвоздь...¹⁶

Примечательно, что именно к этому периоду (к началу 1929 г.) относится публикация следующей статьи Зеньковского в СЗ, «Система культурного дуализма» (СЗ. 1929. № 38. С. 352–379), не вызвавшей, впрочем, никаких дискуссий, судя по сохранившейся внутриредакционной переписке.

В ближайшее пятилетие Зеньковский привлекался к сотрудничеству лишь однажды – в качестве рецензента педагогической литературы. Между тем философ предлагал редакции СЗ не одни лишь рецензии, как явствует из его переписки с Рудневым. С 1937 г. (то есть с тех пор, когда Вишняк фактически устранился от редактирования журнала) сотрудничество Зеньковского приняло достаточно регулярный характер; в этот период он публиковал в СЗ в основном рецензии на религиозную литературу.

* * *

Если Зеньковский все-таки напечатал в СЗ ряд работ, то сотрудничество старшего на 10 лет С.Н. Булгакова, его сочлена по РСХД и Богословскому институту, ограничилось всего лишь одной случайной статьей 1939 г.

В 1920-е гг. имя Булгакова совсем не упоминается во внутриредакционной переписке в контексте пресловутой «религиозной квоты». Между тем наряду с Бердяевым Булгаков был в это время, безусловно, ведущим представителем религиозной мысли русской эмиграции. Как объяснить факт полного игнорирования его редакцией СЗ?

Представляется, что ответ на этот вопрос содержит письмо Вишняка к Степуну от 23 июня 1928 г., в котором Вишняк излагает свои соображения о Церкви и Государстве:

Возможны, теоретически мыслимы всего четыре соотношения между демократией и положительной религией, или Церковью и Государством. Или государство подчинено церкви, или церковь подчинена государству, или они равны в отношении друг друга, или, наконец, Церковь внеположна Государству, как потенциальное Царство Божье, иного, чем оно, духа. В первом случае получается папоцезаризм, во втором – цезарепапизм, в третьем – испытанная уже

¹⁶ Lilly Library. Vishniak papers. F. 26.

теория «двух мечей», имеющих тенденцию вырождаться и логически предполагающих торжество либо духовного, либо светского меча. И только четвертый случай единственно совместим с элементарнейшими требованиями демократии. Его на словах в последнее время все чаще защищают и свободолюбивые сторонники Церкви в интересах, конечно, не демократии, а более высокой ценности религии. Но все они — и меньше других Бердяев, стремящийся вообще уйти от политики, — не удерживаются до конца от теократического соблазна: за Булгаковым и Франком, увы, пошли и Вы!..¹⁷

Итак, если Зеньковского считали «православным народником», имеющим хоть какое-то отношение к демократическому началу, то Булгакову как представителю чисто теократических воззрений принципиально не могло быть места в общественно-политическом журнале демократического направления.

Показательно, что лишь в конце 1930-х гг., когда редакционную работу вел практически единолично верующий православный Руднев, появилась единственная статья Булгакова в СЗ.

В редакционном архиве СЗ сохранилось всего пять писем Булгакова к Рудневу и три черновика ответных писем Руднева. Первое из них от 8 мая 1935 г. — это отказ Булгакова на предложение Руднева написать для СЗ статью или рецензию. Остальные письма относятся к периоду с 8 декабря 1938 г. по 4 февраля 1939 г. В первом из них Булгаков отказывается написать для СЗ статью о еврейском вопросе, мотивируя это следующим образом:

Писать о еврейском вопросе я могу и должен только по всей силе христианского откровения и своей веры, без тактических умолчаний и уклончивости в ту или другую сторону. Появление такой (обширной) статьи «о еврейском вопросе в свете христианского мировоззрения» на страницах Вашего журнала окажется невозможным, а если бы и оказалось возможно, то это было бы странно и непонятно для одних Ваших читателей и неубедительно для других¹⁸.

Зато Булгаков согласился дать для журнала статью о Шестове — его работа «Некоторые черты религиозного мировоззрения Л.И. Шестова» появилась в первой книге за 1939 год¹⁹.

* * *

Из числа русских религиозных мыслителей, совсем не печатавшихся в СЗ, интересен также случай С.Л. Франка. Этот крупный философ обрел известность еще до революции и напечатал в годы эмиграции (с 1922 г.) ряд монографий; тем не менее его имя встречается на страницах СЗ в 1920-е гг. лишь в критических обзорах и рецензиях на его труды.

¹⁷ Lilly Library. Vishniak papers. F. 32.

¹⁸ PAL. MS. 1500/7.

¹⁹ СЗ. 1939. № 68. С. 305–323.

Как явствует из внутриредакционной переписки, Степун выдвигал Франка как возможного сотрудника в рамках «религиозной квоты». О Франке говорится в письме Степуна к Вишняку от 21 апреля 1928 г.:

В свое время я говорил с Франком (с которым я тут виделся) о начатой им статье, состоящей из отдельных кусков. Называется она «За свободу» и представляет собою защиту духовной свободы против врагов слева и справа²⁰. Так, например, защиту Чирикова («Зверь из бездны»²¹). Он скоро вернется из Ревеля и будет мне писать. Подумайте принципиально, согласны ли мы на Франка. По существу в нем ничего неприемлемого нет, хотя его терминология для нас весьма обременительна. На основании его терминологии его легко можно отнести к категории православных социалистоедов, но с ним можно, быть может, идейно поторговаться. Мне кажется, он отходит от своей контр-революционности. Он не евразиец, не монархист и все-таки один из крупных русских философов с живым интересом к вопросам ответственности <так!>²².

Имя Франка упоминается также в письме Вишняка к Степуну от 23 июня 1928 г., опять-таки вокруг распрей, связанных с участием религиозных философов в журнале:

Когда В.В. <Руднев> отстаивает Зеньковского, И.И. <Фондаминский> — Флоровского, Вы — Франка, зная, что он, вопреки Вам и Бердяеву, даже формально защищает теократию (в широком смысле слова) и антидемократические, но религиозные основы общественности <...> — я говорю: «Современные» записки» изменили свой курс, они плавают в стихии, мне враждебной, — и во всяком случае в такой, в которой мне, как редактору, делать нечего²³.

В 1930-е гг. Франк предложил журналу статью литературоведческого характера. С предлагаемой им работой о Пушкине связано единственное письмо Франка, сохранившееся в архиве СЗ. По поводу этого предложения Руднев сообщал Вишняку в письме от 23 августа 1933 г.:

Получена статья — от С. Франка! о пушкиноведении... Я было обрадовался, хорошо бы пропустить у нас Франка, — но статья мало подходящая: о методологии пушкиноведения, 70 000 знаков! Отвечу ему предварительно, что редакция» в разьезде²⁴.

Вишняк ответил Рудневу неделю спустя, 1 сентября 1933 г.:

²⁰ Статья С.Л. Франка была опубликована под названием «По ту сторону правого и левого» (Числа. 1930/1931. № 4. С. 128–142).

²¹ См.: Чириков Е.Н. Зверь из бездны: Поэма страшных лет. Прага: Пламя, 1926. Ч. 1–2.

²² Lilly Library. Vishniak papers. F. 129. Последнее слово, возможно, описка — вместо «современности».

²³ Там же. Ф. 32.

²⁴ Там же. Ф. 121.

Против Франка я поставил бы «предварительный вопрос»: насколько нам нужен сотрудник евразийских органов? Его религиозность, как тебе понятно, насколько меня с ним не примиряет — хотя лично он и замечательный человек. Но раз ты отвергаешь по теме — то не будем спорить²⁵.

В тот же день, 1 сентября 1933 г., Степун писал Рудневу:

С Франком действительная незадача. Помню, я пересылал в журнал его статью в защиту свободы. Тоже не пришлось по двору²⁶.

Вишняк еще раз — и окончательно — поднял ту же тему в письме к Рудневу от 8 сентября 1933 г.:

Относительно Франка напомним, что, сколько ни сватал нам его Степун — а он его нам сватал не один раз и уже давно, — мы все же не обращались к нему с просьбой о сотрудничестве. Его прошлая статья — о не-левом и не-правом, напечатанная «Числами», прислана была Франком по его собственной инициативе. Тяжелый — и принципиальный — отвод *ad hominem* не придется возбуждать, потому что и ты не защищал возможности ее печатать в «Современных записках». Аргумент о принципиальной неприемлемости Франка я не «резервирую» в качестве камня за пазухой, а просто не повторяю в n + 1-й раз, раз в том нет нужды. Если бы в редакции кто-нибудь предложил обратиться к Франку с просьбой о статье, я снова стал бы возражать, как возражал и раньше против сватовства Степуна. — Ясно?.. — Неужели ты не помнишь, что мы не один раз в редакции говорили — и спорили — относительно Франка?²⁷

Руднев ответил Франку лишь полтора года спустя; в письме от 10 декабря 1934 г. он сообщает:

Статью Вашу мы, после долгих колебаний, все же не решились печатать, несмотря на бесспорный ее интерес и большое, пока не сбывшееся наше желание привлечь Вас к сотрудничеству в журнале. Статья Ваша о Пушкине представляется нам «нежурнальной», в том особом, условном, специфически-эмигрантском смысле, с каким нам, редакторам «Современных записок», приходится, к сожалению, очень считаться. «Современные записки», чтобы существовать, должны быть ориентированы по возможности на широкого, среднего читателя, статьи должны быть небольшие и доступные его пониманию. С этой точки зрения Ваша ценная работа о Пушкине и по размерам чрезвычайно велика, и по теме специальна²⁸.

²⁵ РАЛ. MS. 1500/3.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Bakhmeteff Archive. S.L. Frank collection.

Итак, в СЗ пушкиноведческая статья Франка опубликована не была. Однако как раз в данном случае решение редакции отказаться от слишком обширной и узкоспециальной статьи вполне оправданно. Принимая или отклоняя предлагаемые авторами произведения, редакция СЗ руководствовалась не только мировоззренческими, но и прагматическими соображениями.